

УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА В ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

А.С. Иванов

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный аграрный университет», г. Санкт-Петербург

В статье рассматривается состояние договорной свободы в период отхода от принципа *Laissez-faire*. Отображается эволюция и ключевые изменения принципа свободы договора с момента начала XX в. Автор связывает эволюцию в позитивном праве с трансформацией экономической и социально-этической мысли общества. Исследуются пределы ограничения принципа свободы договора в рассматриваемый период. Статья посвящена анализу основных идей договорной свободы, существовавших в первой половине XX в. в европейских государствах.

Ключевые слова: *свобода договора, договорное право, частное право, гражданское право, Laissez-faire, принцип невмешательства, история права.*

Абсолютизация принципа свободы договора, которая произошла в западноевропейских странах в XIX в., имела свои недостатки. В период крупных экономических потрясений и социальных катаклизмов общество стало нуждаться в более активной роли государства на рынке. Данные воззрения подкреплялись как успешной практической реализацией таких идей, так и их отображением в экономической мысли того времени.

Сторонники принципа невмешательства в свободный экономический оборот не были приверженцами каких-либо радикальных идей, по мнению Я. Винера, их целью являлось уменьшение патерналистских начал в рыночных отношениях¹. Среди представителей идеи *Laissez-faire* можно отметить Бентама, допускающего государственное вмешательство в экономический оборот в определенных случаях, например установление максимальных цен на зерно².

К началу XX в. сформировалась ситуация, при которой широкое применение принципа свободы договора способствовало формированию монополий, ограничивая тем самым добросовестную конкуренцию. К примеру, отказ немецких имперских судов ограничивать картельные соглашения привел к монополизации экономики Германии в конце XIX в. К 1905 г. в Германии существовало приблизительно 400 картелей в различных областях промышленности. Уже в 1911 г. их количество увеличилось до 600, а в 1925 г. – до 3000. Такие процессы, как указывает В. Ойкен, способствовали значительному ограничению интенсивности конкуренции³.

Большое количество монополий нарушает одно из основных условий реализации принципа *Laissez-faire*. Несмотря на принимаемые антимонопольные меры в государствах Западной Европы начала XX в., вполне объяснимо, что сложившаяся монополизация экономики оправдывала вмешательство государства в свободный экономический оборот.

В первой половине XX в. появились мнения о целесообразности ограничения договорной свободы в случае наличия ограничения конкуренции. В это же время злоупотребление монополистом своим доминирующим положением на рынке при заключении соглашений вызывало порицание и ставилось под сомнение с этической точки зрения, так как данная ситуация противоречила конструкции теории рыночной экономики.

Стремительный рост городского населения в странах Западной Европы способствовал обострению ситуации между субъектами трудовых отношений. Разрыв между работодателем и работником не являлся слишком очевидным на протяжении XIX в. Однако к началу XX в., в связи с трансформацией принципов организации экономики, стало невозможным игнорировать сложившееся неравенство сторон в трудовых соглашениях. Идея о необходимости

¹ Viner J. An Intellectual History of Laissez-Faire // 3 Journal of Law & Economics. 1960. P. 45.

² Автономов В., Ананьин О., Макашева Н. История экономических учений. М., 2009. С. 101.

³ Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М., 1995. С. 242, 243.

гарантирования интересов работников посредством государственного вмешательства в область договорной свободы находила все большее количество сторонников.

Естественно, что подавляющее большинство населения оказалось неспособным должным образом воспользоваться появившимися возможностями и получить при помощи договорной свободы такую выгоду, которую приобрели наиболее предприимчивые и удачливые индивиды.

Действие принципа *Laissez-faire* благосклонно к сильным и удачливым, однако жестоко к слабым и неспособным. При этом сильных и удачливых всегда гораздо меньше. Следовательно, когда доминирующее значение приобретают интересы экономической элиты, защита принципа невмешательства является приемлемой. Однако при сложившихся к началу XX в. процессах демократизации проводить однополярную политику без каких-либо компромиссов стало невозможно.

Поводом к активному лоббированию идеи о позитивном эффекте от государственного вмешательства в экономический оборот явилась положительная практика западноевропейских стран, заключающаяся во временном отходе от принципа *Laissez-faire* в период Первой мировой войны. По мнению Джона Хикса, в годы войны государства ощутили огромную экономическую власть современной бюрократии⁴. К примеру, в течение 1914 – 1918 гг. экономика Германии в большей степени имела плано-мобилизационный характер, благодаря надзору и руководству имперских властей, что позволяло вести активные боевые действия на нескольких фронтах. Дж. Скотт назвал указанный пример Германии «технократическим чудом»⁵. Опыт Германии убедил правительства в возможности планирования и ограничения свободного оборота со стороны государства.

В период Второй мировой войны процесс воздействия на экономическую свободу повторился. В своей работе М. Фридман и Р. Фридман указывают, что в военные годы произошел колоссальный рост вмешательства государства в экономический оборот в форме введения карточных систем, фиксации цен и размеров оплаты труда, установления запретов на производство ряда гражданских товаров, экспортно-импортных ограничений и т.д.⁶

Еще одной «монетой» в копилку необходимости вмешательства в свободный экономический оборот стал мировой экономический кризис первой половины XX в. Увеличение экономических проблем многие государства ощутили по окончании Первой мировой войны. Ярким примером в этом отношении является Германия, столкнувшаяся с гиперинфляцией⁷ и девальвацией⁸.

Вышеуказанные процессы в совокупности привели к постепенному отходу от принципа невмешательства в свободный экономический оборот, а достигнутый в XIX в. прогресс воспринимался как само собой разумеющееся и перестал удовлетворять общество.

Социальные потрясения и две мировые войны подтолкнули граждан к осознанию необходимости обращения к государству как к социальному регулятору. Популярным стало мнение о возможности государства посредством планирования и экономических ограничений руководить общественным и экономическим прогрессом.

Таким образом, в западноевропейских странах первой половины XX в. оказывалось воздействие на экономический либерализм в целом и свободу договора в частности. Объем этого воздействия разнился в зависимости от государства, но везде носил существенный характер. В научной литературе указанный процесс был назван «возвышением регулирующего государства»⁹.

Значительным образом изменившаяся в первой половине XX в. социально-экономическая основа западноевропейских стран повлекла за собой трансформацию социальной этики. Свои позиции, в результате экономических и политических катаклизмов, потеряли ценности личной свободы и частной автономии. На их место вновь вернулись солидарность и коллективизм. В этой связи отличительной чертой социальной этики XX в. являлась борьба личности и общества/государства.

⁴ Хикс Дж. Теория экономической истории. М., 2004. С. 206.

⁵ Скотт Дж. Благими намерениями государства. М., 2005. С. 163.

⁶ Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать. М., 2007. С. 111.

⁷ Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация: в 2 кн. Кн. 1. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 463 – 498.

⁸ Камерон Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. М., 2001. С. 437.

⁹ Glaeser E.L., Shleifer A. The Rise of the Regulatory State // XVI Journal of Economic Literature. 2003. P. 401 – 425.

Суть указанной борьбы заключалась в попытках найти «золотую середину», т.е. необходимый баланс данных ценностей. В течение всей истории в одни периоды превалирующее значение имели индивидуалистические ценности, а в другие – идеология коллективизма и солидарности.

Ценности свободы, как уже было указано выше, занимали доминирующее положение в Западной Европе XIX в. Однако обострение социальной обстановки, экономические кризисы, а также две мировые войны потребовали значительных изменений от европейских государств. Западные цивилисты отмечают, что «ценности индивидуализма и личной негативной свободы теряют свою актуальность при наличии глобальных угроз, что неминуемо влечет снижение их популярности»¹⁰.

Усиление данных тенденций происходит в связи со стремлением человека к объединению перед лицом глобальных проблем, обратная ситуация происходит в период стабильности и расцвета.

По мере отдаления общества от церкви главным механизмом объединения стало государство. Население, нуждающееся в защите от возникающих угроз, стало ждать активных действий именно от этого социального института общества. Следовательно, возникает необходимость ограничения личной свободы с целью защиты публичных интересов.

Доводы о священности договора и об отсутствии необходимости в государственной помощи слабой стороне соглашения перестали быть весомыми. В результате роста популярности коллективистской этики от экономически сильной стороны договора требовался больший учет интересов контрагента. Указанная тенденция нашла свое отражение в законодательстве европейских стран.

Изменения в экономике и социальной этике повлекли за собой трансформацию, как самого законодательства, так и судебной практики. Очередное возвышение этики коллективизма и солидарности дало толчок для реформирования законодательства – в частности, направленного на ограничение действия принципа свободы договора.

Право, являясь социальным регулятором общественных отношений, видоизменялось под воздействием публичных интересов: вновь стали популярны идеи реального равенства, справедливости и солидарности.

Схожая ситуация сложилась также в судебной практике. К примеру, задачей английского судьи середины XIX в. являлось дословное применение права, без толкования о необходимости соблюдения публичного интереса, однако уже в XX в. его задачей являлся поиск справедливого решения, и поэтому в реальности «суд составляет контракт за стороны, как бы крамольно это ни звучало»¹¹.

В начале XX в. такие факторы, как справедливость и добросовестность контрактных условий, стали восприниматься, наряду с автономией воли, как основополагающие этические ценности¹². По мнению Э. Дюркгейма, лишь при соответствии условий соглашения критериям справедливости договор может считаться полностью действительным. Наличие только волеизъявления сторон, по мнению ученого, не позволяет отнести договор к категории справедливых, иными словами, действительных¹³.

Ярче всего описанные изменения отразились на праве Германии. Посредством положений Германского гражданского уложения (далее – ГГУ) о добрых нравах, добросовестности немецкие суды стали ограничивать действие принципа свободы договора. При закреплении в Уложении указанных положений, которые в теории могут ограничить договорную свободу, ожидалось, что область их практического использования будет достаточно ограниченной. К примеру, целью положения о добросовестности (§ 242 ГГУ) было соблюдение данного принципа при исполнении контракта, а не ограничение договорной свободы. Еще одним примером является запрет нарушения добрых нравов (п. 1 § 138 ГГУ), задумывавшийся в качестве исключительной нормы, которая подлежит ограниченному толкованию.

---

¹⁰ Arrunada B., Andonova V. Common Law and Civil Law as Pro-Market Adaptations // 26 Washington University Journal of Law and Policy. 2008. P. 110, 111.

¹¹ Ibbetson D.J. A Historical Introduction to the Law of Obligations. 2006. P. 249, 250.

¹² Ibid. P. 248.

¹³ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996. С. 392

Как отмечает Л.Л. Чантурия, «ситуация изменилась начиная с 1920-х гг., когда параграфы применялись судами как “универсальные корректоры” свободы договора»¹⁴. Уложение перестало отвечать вновь возникающим условиям, в связи с чем суды фактически совершенствовали положения законодательства с помощью оценочных конструкций.

С начала XX в. схожая ситуация сложилась во Франции. По мнению Л.Ж. де ла Морандьера, свобода договора больше не воспринималась как аксиома, что связано с вторжением публичных интересов в частное право, а также обретением популярности идей патернализма¹⁵.

После закрепления в Германском гражданском уложении права суда снизить размер согласованной контрагентами неустойки аналогичные решения стали приниматься и в других странах Западной Европы (п. 3 ст. 163 Швейцарского обязательственного закона 1911 г.; ст. 1382 - 1384 нового Гражданского кодекса Италии 1942 г.). Таким образом, тенденции, направленные на социализацию договорного права, вынудили законодателей отойти от классической римской концепции неснижаемой договорной неустойки.

Сложившийся формат действия договорной свободы способствовал усилению неравенства между сторонами в трудовых соглашениях, что являлось весомым поводом для ее бурной критики. Например, приверженцы прогрессистских реформ, а также социалисты считали, что реальная автономия воли невозможна в определенных областях договорных отношений. По мнению Роберта Л. Хэйла, «работник, чье физическое выживание зависит от воли работодателя, чаще всего не имеет выбора, а договорная свобода обеспечивает при этом скрытое принуждение»¹⁶. В странах Западной Европы стали происходить процессы спецификации регулирования трудовых договоров в сторону усиления их императивного регулирования.

Глобальные социальные потрясения первой половины XX в. стали причиной внедрения в западноевропейских странах концепции прямого ценового регулирования в отношении ряда товаров и услуг с установлением минимальных и максимальных цен. Данная практика нашла свою поддержку также со стороны судебной системы. Более того, Т.М. Тимошина указывает, что «по окончании Второй мировой войны английское правительство лейбористов осуществляло широкомасштабное замораживание заработных плат»¹⁷.

По мнению Э. Хондиуса, также необходимо отметить, что «к середине XX в. стали происходить ограничения принципа свободы договора, касающиеся защиты прав потребителей»¹⁸. В это время европейские суды начали ограничивать свободу договора в сфере соглашений в виде договоров присоединения, что привело к законодательному закреплению сложившейся судебной практики в ряде европейских стран второй половины XX в.

В. Ойкен выделяет еще одну причину законодательного ограничения договорной свободы, заключающуюся в том, что «в первой половине XX в. в большинстве государств Западной Европы ощущалось, что принцип свободы договора зачастую используется в целях монополизации экономики»¹⁹. Для повышения конкуренции на рынке европейские законодатели ограничивали свободу договора в тех соглашениях, которые приводили к монополизации. К примеру, в Германии антимонопольные ограничения принципа свободы договора, установившие запрет на злоупотребление экономической властью, были закреплены в 1923 г.

Следовательно, можно сделать вывод, что в первой половине XX в. принцип свободы договора утратил свою значимость по сравнению с уровнем его развития в XIX в. Первая половина XX в. ознаменовалась значительным ростом числа ограничений договорной свободы, что говорит о конце эпохи принципа *Laissez-faire*.

Однако это не означает конец принципа свободы договора, а говорит о качественном изменении подхода. Правительства западноевропейских стран активизировали государственное вмешательство в свободный рыночный оборот, что выразилось во внедрении в законодательство значительного количества императивных норм, защите интересов экономически слабой стороны

¹⁴ Чантурия Л.Л. Введение в общую часть гражданского права (сравнительно-правовое исследование с учетом некоторых особенностей советского права). М., 2006. С. 72.

¹⁵ Де ла Морандьер Л.Ж. Гражданское право Франции. М., 1960. Т. 2. С. 204.

¹⁶ Hale R.L. Coercion and Distribution in a Supposedly Non-Coercive State // 38 Political Science Quarterly. 1923. N 38. P. 470 – 478.

¹⁷ Тимошина Т.М. Экономическая история зарубежных стран: учеб. пособие. М., 2010. С. 180.

¹⁸ Хондиус Э. Свобода контракта и конституционное право в Нидерландах // Правоведение. 2000. № 6. С. 78 - 97.

¹⁹ Ойкен В. Указ. соч. С. 243.

соглашения под предлогом недобросовестности условий сделки, запрете отдельных видов товаров, установлении минимальных уровней заработных плат или максимальных ставок арендной платы. Однако основополагающая для рыночной экономики возможность контрагентов самостоятельного определения партнера и условий большинства договоров не была каким-либо образом затронута. Таким образом, принцип действия договорной свободы сохранялся. Несмотря на глобальные социальные потрясения первой половины XX в., страны Западной Европы не исключали функционирование принципа свободы договора, осуществляя государственное вмешательство лишь в случаях, когда имели место более весомые причины, по сравнению с преимуществами, обеспечиваемыми договорной свободой.

Список литературы

1. Автономов В., Ананьин О., Макашева Н. История экономических учений. М., 2009. С. 101.
2. Де ла Морандьер Л.Ж. Гражданское право Франции. М., 1960. Т. 2. С. 204.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996. С. 392
4. Камерон Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. М., 2001. С. 437.
5. Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М., 1995. С. 242, 243.
6. Скотт Дж. Благими намерениями государства. М., 2005. С. 163.
7. Тимошина Т.М. Экономическая история зарубежных стран: учеб. пособие. М., 2010. С. 180.
8. Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация: в 2 кн. Кн. 1. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 463 – 498.
9. Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать. М., 2007. С. 111.
10. Хикс Дж. Теория экономической истории. М., 2004. С. 206.
11. Хондиус Э. Свобода контракта и конституционное право в Нидерландах // Правоведение. 2000. № 6. С. 78 - 97.
12. Чантурия Л.Л. Введение в общую часть гражданского права (сравнительно-правовое исследование с учетом некоторых особенностей советского права). М., 2006. С. 72.
13. Arrunada B., Andonova V. Common Law and Civil Law as Pro-Market Adaptations // 26 Washington University Journal of Law and Policy. 2008. P. 110, 111.
14. Glaeser E.L., Shleifer A. The Rise of the Regulatory State // XVI Journal of Economic Literature. 2003. P. 401 – 425.
15. Hale R.L. Coercion and Distribution in a Supposedly Non-Coercive State // 38 Political Science Quarterly. 1923. N 38. P. 470 – 478.
16. Ibbetson D.J. A Historical Introduction to the Law of Obligations. 2006. P. 249, 250.
17. Viner J. An Intellectual History of Laissez-Faire // 3 Journal of Law & Economics. 1960. P. 45.

Об авторе:

ИВАНОВ Алексей Сергеевич – аспирант кафедры государственного (конституционного) права Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (196601, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское ш., 2), e-mail: mr.aleksey1993@inbox.ru

THE PRINCIPLE OF FREEDOM OF CONTRACT IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

A.S. Ivanov

Saint-Petersburg State Agrarian University

The article considers the state of contractual freedom in the period of departure from the Laissez-faire principle. The evolution and key changes of the principle of freedom of contract from the moment of the beginning of the 20th century are displayed. The author connects evolution in positive law with the transformation of the economic and socio-ethical thought of society. The limits of the principle of freedom of contract in the period under consideration are investigated. The article is devoted to the analysis of the basic ideas of contractual freedom that existed in the European states in the first half of the 20th century.

Keywords: *freedom of contract, contract law, private law, civil law, Laissez-faire, principle of non-interference, history of law.*

About the author:

IVANOV Aleksey – postgraduate student of the department of state (constitutional) law of the Saint-Petersburg State Agrarian University (196601, Saint-Petersburg, Pushkin, Petersburg sh., 2), e-mail: mr.aleksey1993@inbox.ru

Иванов А.С. Принцип свободы договора в первой половине XX века // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 1 (61). С. 193 – 200.